

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ

ЧУВСТВ

Читайте остросюжетные
психологические романы

Ирины **ГРИН**

в серии «Переплетение чувств»:

Нарушенная заповедь

Стать смыслом его жизни

Бог счастливого случая

Эффект прозрачных стен

Сквозь аметистовые очки

Чужая лебединая песня

Сети кружевницы

ИРИНА ГРИН

СЕТИ
КРУЖЕВНИЦЫ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г85

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Грин, Ирина.
Г85 Сети кружевницы / Ирина Грин. — Москва : Эксмо,
2020. — 320 с. — (Переплетение чувств).

ISBN 978-5-04-110497-9

В детективное агентство «Кайрос» обратился Петр Бородин с просьбой найти мать Инги, внучки его старой знакомой. У него есть собственные соображения по поводу тайны происхождения девушки, но он не спешил ими делиться...

У Инги сохранились смутные воспоминания о матери, ведь ее вырастила бабушка. Вся жизнь девушки сосредоточена в коклюшках, на которых она плетет удивительной красоты кружева. Но действительность грубо врывается в ее уютный мирок, когда кто-то присылает ей письмо с угрозами...

Некоторым тайнам лучше оставаться в прошлом. Когда их извлекают на свет, это может привести к непредсказуемым последствиям...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110497-9

© Грин И., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Пролог

Снегопад прекратился, но резкий ветер разогнал пешеходов по домам. Нужный дом Инга увидела сразу. Его нельзя было не увидеть. Единственная на всю улицу новенькая шестнадцатизэтажка, великан, затесавшийся в компанию низкорослых соседей. Домофон на входной двери защищал жильцов от непрошенных гостей. Конечно, будь на месте Инги кто-нибудь другой, непременно позвонил бы. Но она предпочла мерзнуть, пока из подъезда не выскочил парень в распахнутом пальто. Нужная квартира находилась на двенадцатом этаже. Открытая дверь лифта звала прокатиться, но стоило Инге подойти, как она с устрашающим лязгом захлопнулась, словно мышеловка.

Инга тщательно отряхнула сапоги от снега и только потом нажала на кнопку вызова. Она понимала, что сапоги — это лишь предлог, способ отодвинуть неминуемо приближающуюся встречу, и ругала себя за трусливую слабость.

Пол лифта ощутимо дрогнул под ногами, словно в кабину вошла не стройная невысокая девуш-

ка, а тетка килограммов под сто с двумя увесистыми пакетами в руках. Инга испуганно попятилась. Стоило ей снова оказаться в относительной безопасности подъезда, как створки дверей неспешно пошли навстречу друг другу, а потом резко захлопнулись, словно челюсти прожорливого зверя. Такому только попадись! Перспектива стать чьим-нибудь обедом не радовала, поэтому, в очередной раз махнув рукой на ежедневно даваемое себе обещание ничего не бояться, Инга пошла наверх пешком. А почему бы и нет? При ее малоподвижном образе жизни двенадцатый этаж — то, что доктор прописал.

«Ли-ля-ле», — напевала про себя Инга, поднимаясь по ступенькам.

Лиля Леонидовна. Ли-ля-ле. Странно, что женщина с настолько певучим именем так назвала свою дочь — Инга. Имя твердое, словно обломок камня. Острое, неудобное. То ли дело Лиля! Лилия. Лилия Леонидовна. Имя — будто песня соловья, птицы пусть и невзрачной, но с чистой нежной душой. Хотя, судя по фотографии, невзрачной Лилию Леонидовну не назовешь. Блондинка с короткими волосами, уложенными перышками, она, скорее, похожа на венценосного журавля и совсем не напоминает бабушку.

Бабушка — та скорее сродни вороне. Белой — сколько Инга себя помнила, две бабушкины косички, которые она сплетала на макушке в виде венка, были совершенно седыми. А еще бабушка была ни на кого не похожей. Абсолютно. Небольшого роста, сухонькая, она обладала воистину фанта-

стической особенностью заполнять собой все окружающее пространство, обволакивать, находиться одновременно в каждой точке их небольшого домика в Кулишках. Порой бабушки было так много, что Инге хотелось убежать, спрятаться, скрыться, чтобы хоть на несколько минут вырваться из-под опеки, накрывшей, казалось, всю деревню разноцветным лоскутным одеялом.

В такие минуты Инга отлично понимала свою мать, сбежавшую из дома после девятого класса и отбросившую всю свою предыдущую жизнь, как змея ставшую тесной кожу. Очевидно, выходя замуж, она сменила не только фамилию, но и имя с отчеством, превратившись из Галины Семеновны Гусевой в Лилию Леонидовну Дунаеву. Хотя с замужеством не очень понятно — в свидетельстве о рождении у Инги в графе «Отец» стоит прочерк. Аккуратненький такой и очень обидный, потому что отец у Инги точно был. Она, конечно, мало что помнит — к моменту, когда мама привезла ее к бабушке ненадолго, и, как потом оказалось, насовсем, ей было всего пять лет. Но отец — вечно мрачный, недовольный, пугающий — сохранился в памяти. Нет, он не приходил в снах, как мама, не напоминал о себе случайно пойманным в воздухе отголоском аромата знакомых духов, мягкой интонацией чьего-то голоса. Он просто был.

На десятом этаже Инга остановилась — не для того, чтобы перевести дух, нет. Просто с каждым шагом страх перед предстоящей встречей становился все сильнее. Лестница каким-то непонятным способом превратилась в болото. Каждая ступенька

затягивала, и для нового шага приходилось буквально выдирать ногу из трясины.

«Трусиха! — обругала себя Инга. — Соберись! Хотя бы ради бабушки! Ведь она так этого хотела!»

Легко сказать — соберись. Но как это претворить в жизнь? У Инги в запасе имелись два волшебных слова, ее своеобразная мантра, позволяющая на время выпасть из реальности. Наверное, именно благодаря ей она выстояла в атмосфере всеобъемлющей бабушкиной опеки и не сбежала, как мать, полностью обрубив концы, сменив имя, отчество и фамилию. Слова эти, многократно произнесенные, избавляли голову от ненужных мыслей, суеты и тревог, помогали сконцентрироваться и обрести пусть слабую, но все-таки уверенность в своих силах.

«Перевить, — Инга поставила ногу на первую ступеньку лестничного пролета, сделала шаг и добавила, — сплести. Перевить-сплести. Перевить-сплести»... Трясина отступила, превратившись в проселочную дорогу после дождя. Ноги все еще вязли, но не так, как раньше.

Вообще-то, перевить-сплести — это два основных приема плетения кружев на коклюшках. Перевить — перебросить правую коклюшку одной пары через левую. Сплести — поменять местами внутренние коклюшки, из правой руки подсунуть под левую и натянуть. И вот так, перевивая и сплетая, сотни лет кружевницы плели кружева, передавая свой дар детям. Вот только мама не захотела принять этот дар у своей мамы, и он достался Инге. Почему так получилось? Может, мама обижалась

на кружева, считая, что бабушка любит их больше, чем свою дочь? А может, имелась еще какая-то причина? Еще пара ступенек, и Инге представится возможность это узнать.

На лестничной клетке перед дверью квартиры, где жила мать, Инга машинально пригладила волосы, смахнула невидимые пылинки с плеча, выдохнула и решительно нажала на кнопку звонка.

В глазке свинцово-серой металлической двери произошло какое-то движение. Инга поняла, что кто-то внимательно рассматривает ее. Затем дверь приоткрылась. На пороге стояла невысокая темно-волосая девушка, судя по всему, ровесница Инги.

— Чего надо? — недовольно спросила она.

Уверенность, приобретенная два лестничных пролета тому назад, разом покинула Ингу, и ноги словно превратились в русалочий хвост — вроде они и есть, но невозможно сделать ни шагу.

— Здравствуйте! — из последних сил стараясь сохранить спокойствие, произнесла она. — Мне нужна Лилия Леонидовна. Позовите ее, пожалуйста.

Но звать не пришлось.

— По какому вопросу? — К девушке присоединилась женщина.

Инга заметила, что они очень похожи: темно-волосые, смуглые, с большими карими глазами и крупными ртами, они чем-то напоминали двух галок. У Инги промелькнула мысль, что прошедшие годы были не слишком добры к матери, превратив ее из венценосного журавля в галку. Но все-таки прошло почти двадцать лет. Неизвестно, в кого она сама превратится в этом возрасте.

— Я... Я... — не в силах произнести ни слова, Инга полезла в висевшую на плече сумочку и, порывшись, вытащила из нее свидетельство о рождении в прозрачной пластиковой папке. — Я — ваша дочь, Инга.

На несколько секунд на лестничной площадке воцарилась немая сцена, вроде той, из гоголевского «Ревизора», а потом молодая галка выкрикнула:

— Что? Какая еще дочь?

— А ну-ка. — Галка постарше вырвала из рук Инги злополучную папку и крепко стиснула ее за пояс. — Дочка, звони срочно в полицию. Сейчас узнаем, кто украл твои документы! Мошенница!

— Я?.. Нет! — Инга что есть силы дернула на себя зажатую, словно тисками, руку.

Не ожидавшая такой прыти галка слегка ослабила хватку. Инга ухитрилась выскользнуть из ее цепких пальцев и рвануть вниз по лестнице. Бывшая трясина превратилась теперь в батут, каждая ступенька пружинила, благодаря чему Инга не перебирала ногами, а взлетала и переносилась через несколько ступенек со скоростью быстрокрылого стрижа. Вот за спиной хлопнула дверь подъезда, и холодный зимний ветер обжег пылающее лицо.

Она неслась, не видя ничего вокруг. Сердце бешено колотилось, под ногами оглушительно скрипел снег, а в ушах продолжал звенеть надрывный крик:

«Дочка! Звони срочно в полицию!.. Мошенница... Украла!.. Мошенница!.. Украла!.. В полицию!..»

Она уже давно поняла, что за ней никто не гонится, крик — это игра ее разгоряченного воображения. То ли от колючего ветра, то ли от отчаяния

из глаз текли слезы. Кто-то попытался остановить ее. Кто-то ухватил за локоть и спросил, все ли в порядке. Кто-то разразился вслед замысловатой бранью. А она все неслась, подгоняемая стыдом и отчаянием, пока не оказалась на вокзале.

Ближайший поезд через полтора часа. Инге повезло — билеты в кассе еще остались. Расплатившись и уточнив, с какого пути отправляется состав, она вышла на перрон. Морозный воздух щипал щеки. В воздухе пахло чем-то мерзким — то ли горелой резиной, то ли смазкой. Конечно, можно было подождать в зале ожидания, но Инга боялась — вдруг Лилия Леонидовна осуществила свою угрозу и позвонила в полицию. Она же показала свой паспорт при покупке билета, и полиции не составит труда вычислить похитительницу чужого свидетельства о рождении. И не только свидетельства. По сути, она, Инга, присвоила себе чужую личность. Конечно же, сделала она это не нарочно, не отдавая себе отчета в своих действиях. Но, как известно, незнание не освобождает от ответственности.

Меря шагами перрон, местами опасно покрытый наледью, Инга заранее морально готовила себя к предстоящей дороге. Казалось бы, что сложного в путешествии поездом? Смотри себе в окно, мечтай и слушай вполуха болтовню случайных попутчиков. Но именно этого Инга и опасалась больше всего — не столько чужих разговоров, сколько продиктованной элементарной вежливостью необходимости подбрасывать хоть какие-то реплики в костер беседы. Сюда она ехала в купе с очень разговорчивой женщиной, не умолкавшей буквально ни на минуту.

Речь попутчицы напоминала бесконечный тропический ливень. К концу пути Инга, казалось, уже знала всю ее подноготную.

Сейчас она не была готова к подобному испытанию. Ей хотелось сидеть в темноте и беречь свои раны, раз за разом извлекая на белый свет неудавшуюся попытку встретиться с матерью. Однако судьба сжалилась над девушкой — в новеньком плацкартном вагоне, в котором Инга возвращалась домой, набралось от силы человек десять. В своем купе Инга была одна. По-хорошему, нужно было лечь, постараться выбросить из головы все мысли и поспать. Но сон не шел. Инга смотрела на свое отражение в вагонном окне, встревоженное и несчастное, а в голове крутился навязчивый вопрос: «Кто я? Кто я?»

К концу путешествия у нее разболелась голова, и даже свежий морозный воздух, встретивший ее на выходе из душного вагона, не принес облегчения.

— Такси! Ехать! Девушка, такси нужно? — атаковали Ингу со всех сторон.

Она лишь отчаянно мотала головой, произвольно ускоряя шаг. Перспектива ехать куда-нибудь с абсолютно чужим мужчиной пугала. Инга ездила только с Петром Васильевичем. Или с Антоном на машине Петра Васильевича.

Один из особо назойливых водителей поймал Ингу за локоть. Она вскрикнула, одернула руку, попятилась, наткнулась на кого-то и, оглянувшись, увидела перед собой полицейского.

«Неужели нашли? Так быстро?» — Она испуганно попятилась.

— Девушка! — начал полицейский, и Инга, не дожидаясь продолжения фразы, бросилась бежать.

Ей казалось, что она слышит за спиной топот ног, поэтому, вместо того чтобы направиться на автобусную остановку, понеслась по Артиллерийской, свернула на Советскую. Еще три квартала — и она оказалась на улице Лазаревской, перед входом в магазин под вывеской «Антикварная лавка». Магазин этот принадлежал Петру Васильевичу Бородину, бабушкиному другу, которого та перед смертью попросила помочь Инге отыскать мать.

Из последних сил Инга толкнула дверь и фактически ввалилась в жаркое помещение.

— Инга! — Петр Васильевич находился в торговом зале и, мгновенно оценив бедственное состояние своей подопечной, бросился на помощь. — Что с тобой! Господи, ты вся дрожишь!

— Я не Инга! — Она забилась в его руках, неожиданно оказавшихся не по-стариковски сильными. — Не Инга! Кто я? Кто?

— Пойдем! Пойдем! — Петр Васильевич осторожно приобнял ее и повел в свой кабинет, находившийся тут же, при магазине. — Расскажешь мне все. Да?

В кабинете за директорским столом расположился Антон Волынкин, единственный продавец. Он был студентом, готовился к сессии и старался воспользоваться каждой мало-мальской оказией, чтобы подтянуть свои многочисленные хвосты. При виде шефа он вскочил.

— Антон, ты ступай пока в зал. Вдруг кто придет, а я тут... Сам понимаешь.

Зубы Инги выбивали дрожь, размазанная вокруг глаз тушь напоминали синяки. Сердце, казалось, пульсировало уже в глазах, отчего мир вокруг подпрыгивал в такт его ударам.

— Может, нужна какая-нибудь помощь? — напуганный видом Инги, спросил Антон. — Воды? Лекарства? Может, в полицию?..

Последнее слово вызвало у Инги очередной приступ истерики.

— Ступай, Антоша, мы тут сами, — скомандовал Петр Васильевич, одной рукой пытаясь удержать Ингу, а другой — налить в стакан воды. — Вот, выпей.

Она обхватила стакан обеими руками, сжав его, словно хотела раздавить.

— Это не моя мать, понимаете! Она сказала, что я украла свидетельство о рождении ее дочери.

— Знаешь, я предполагал что-то подобное. Как-то не верилось, что Галина действительно сменила имя и отчество. Прости, я, наверное, должен был поехать с тобой.

— Нет, — Инга решительно замотала головой. — Я и так доставила вам столько хлопот.

— Да ладно, какие там хлопоты. — Петр Васильевич ободряюще похлопал ее по плечу. — Ты, может, голодна? Или хочешь чаю?

Как можно думать о еде в таком состоянии? Инга с трудом сдерживалась, чтобы не выплеснуть на старика душившую ее обиду на жизнь. Надо что-то делать, иначе мозг взорвется. Она обхватила голову руками. Зачем? Ну зачем она согласилась на эту авантюру? Зачем искать мать, которой и без нее

вполне хорошо! Только из-за того, что этого хотелось бабушке? Но бабушке теперь по большому счету все равно. Неужели даже после смерти она не разомкнет кольцо своей опеки?

— А знаешь, — Петр Васильевич сел на огромный кожаный диван, занимавший почти половину кабинета, — я недавно встретил одного своего знакомого. Он бывший банкир. Я еще с матушкой его был знаком, милейшая женщина. Так вот, банкир этот сейчас работает в детективном агентстве. Название такое замечательное — «Кайрос». Знаешь, что оно означает?

Говорил он медленно, задушевным тоном, слегка растягивая слова, и сердце Инги невольно замедлялось, успокаиваясь и возвращаясь на место.

— Что-то из древнегреческой мифологии? — она еще всхлипывала, дергала носом, но уже могла говорить более-менее спокойно.

— Точно! У греков было два бога времени — Хронос и Кайрос. Хронос — это бог времени, прошедшего и всепожирающего. А Кайрос — бог удачи, бог счастливого случая. Я еще когда с ним пообщался, пожалел, что не назвал так свой магазин. Здорово было бы — «Антикварная лавка «Кайрос». Может, к нему обратиться за помощью? А?

— Это же, наверное, ужасно дорого, — возразила Инга. — Детективное агентство... У меня нет денег...

— Ерунда! Деньги есть у меня. Согласна?

Инге ничего не оставалось, как кивнуть, — не сидеть же истуканом. Старик может обидеться, а обижать его совсем не хотелось. Уж очень он был